

М. ЛАЗАРЕНКОВ (Чехословакия).

Организованная политическая борьба или бунтарство ватаги вольной сарыни?...

КАЗАЛОСЬ бы, что этот вопрос уместен и обществе, только что начинающем складываться и выбирающем форму организации и метод действия. Трудно поверить, что подобный вопрос может быть актуален в национально-политическом освободительном движении, насчитывающем десять лет существования и использовавшем много воев бумаги на предмет теоретической подготовки дела.

Однако, для Вольного Казачества этот основной вопрос, наперекор всем здравым рассуждениям и должным ожиданиям, и сегодня, на одиннадцатом году существования, является животрепещущим. Принимая во внимание темпы жизни и событий нашей эпохи, это — невероятно, но, тем не менее, факт.

Общепринято, что группа нормальных людей, установивших единство цели и наличие воли к ее достижению, безразлично — рыболовы ли то, богомолы, пускающиеся в дальний путь, ночные ли налетчики, государственные заговорщики, учное ли общество или политические борцы, первым делом, тем или другим способом, организуют свою силу, т. е. — устанавливают систему сочетания сил, полезного взаимодействия частей, каждого ставит на надлежащее место, — и избирает метод действия.

Только с этого момента данное общество начинает планомерно свою работу, направленную к достижению поставленной цели. Это — бесспорная истина.

Вольное Казачество, это — общество людей, имеющих цель — освобождение оккупированной Родины из под чужой власти и восстановление своего утерянного государства. Это тоже — истина.

Но организована ли сила этого общества надлежащим образом и избран ли метод действия для достижения намеченной цели?

Если на 11-м году все еще ставится вопрос о системе организации, то, очевидно, что — нет.

И, действительно, стоит только без ложного энтузиазма обозреть сегодняшнее состояние Вольного Казачества, чтобы воочию убедиться в этом. Странное и страшное дело творится с нами, господа вольные казаки!..

Недавно, во 2-м номере «Казачьего Голоса», я взял на себя смелость и обратил внимание моих собратьев и единомышленников (казаков-националистов) по территориальному вопросу. Не с легким сердцем я поделился с вами теми моими

мыслями, принужденный к тому только искренним беспокойством за наше общее и жизненное дело, которое, по моему убеждению, вопиющим образом требует сугубого нашего внимания.

Не сомневаюсь, что многие из вольных казаков прочитали ту статью со смущением и недоумением, а иные и в гневе. Но я не забочусь о том, чтобы дать вам, моим соратникам, приятное послеобеденное чтение, а мне нужно было сказать горькую правду, чтобы потом, когда уже излишни будут всякие сетования, вы не говорили, что «никто нам правду не сказал в глаза и не подал здравого совета».

Территориальный вопрос, будучи одним из самых важных вопросов, все еще не разрешен: одна группа отмирает так, другая этак, третья по своему. Постановка «Казачьего Голоса», встретив первоначально гул неодобрения, начинает производить на казаков впечатление своей реальностью и трезвостью. Правда, до единомыслия еще далеко, но и то, что наблюдается, уже симптом того, что и мы можем разбираться в том, что желательно и что возможно.

В данной своей заметке я затрагиваю вопрос организационный, который является предметом внимания не только одного меня, но и многих других вольных казаков. Чтобы убедиться в этом, достаточно пересмотреть последние номера казачьей сепаратистской прессы...

Вспоминается «батальная» картина из прошлой войны: представьте себе полк, бригаду, дивизию или даже корпус, который, выражаясь языком тех дней, «дерет», и сотни и тысячи людей в один голос орут: «стой! сто-о-о-й! стой!... застрелю!», но никто не останавливается, никто никого не стреляет. Трагикомическая картина!..

Организационный вопрос настолько важен, что без удовлетворительного его разрешения нечего вовсе и огород городить, ибо без надлежащей организации собственных сил ни одно подобное дело никогда и нигде не достигало цели. Этот вопрос необходимо поскорее разрешить, коль скоро мы серьезно думаем о практическом достижении нашей цели. Другое, конечно, дело, если речь идет о теории, о вольном словесном творчестве на тему о национальной свободе. В последнем случае достаточно пары мыслителей, умеющих писать, и незачем тогда втягивать сотни простых людей, смущать умы малых сих.

В вопросах организации людских коллективных сил, каждое общество, обычно, пользуется

данными исторической традицией, если в ней имеются налицо положительные опыты.

В нашей казачьей общественно - политической истории, как в истории народа прошедшего узорчатый и извилистый путь с резкими изгибами и изломами, тоже есть опыты.

Движение Пугачева, Разина, Булавина, — как тип вольного массового движения по принципу «сарынь на кичку», без твердых организационных начал, без ясного плана и без четко обозначенной цели. Собрались горячие молодцы, кликнули клич гольтыбе и трихнуши. Результаты этих движений известны, несмотря на всю красочность и героичность многих моментов и этапов. Это — с одной стороны.

Совсем иной характер носит, например, борьба казаков за Азов. Здесь — четко выявленная цель, надлежащая организация сил, психологическая подготовка людей у себя и политическая работа во вне, вплоть до организации шпионажа. Результат этой борьбы тоже известен. Несмотря на адские тяготы, борьба была выиграна.

Сегодняшнее наше положение исключительное. Не нужно падать духом, но нужно признать, что судьба Казачества висит на волоске. Вопрос «быть или не быть» предстал пред нами во всей горькой остроте.

Необходима организация наших сил применительно к данной эпохе, к существующей обстановке и предстоящей борьбе.

В нашу эпоху было бы непонятно фрудовать архаическими словами в роде — «донская вольница», «затага сарыни», «зипунные рыцари», «бурный Терек», «вольное казачество» и т. д. Пожалуй, гораздо понятнее будет просто гово-

рить об угнетенном едином казачьем народе, желающем освободиться из неволи и организовать свое государство. Уж никакой речи не может быть об организации борьбы по типу анархической, вольной сарыни.

Существующая обстановка и предстоящая борьба требуют от нас организации наших сил по политическому принципу сперва, чтобы потом, с первых же шагов по родной территории, превратиться в организацию военно - политической. То есть — тут политическая национальная партия, а потом партия - армия.

Сторонников этой мысли некоторые упрекают в копировании готовых европейских форм. Этими упреками смущаться не приходится. Политическое творчество не есть творчество литературное, где каждый автор должен дать нечто свое, хотя и здесь даже такие великаны, как Толстой и Пушкин, не обходились без заимствования готовых сюжетов и форм.

Хороший пример не менее заразителен, чем дурной. И нет ничего более заразного нежели организационные формы в политической борьбе, где налицо успех. Наоборот, было бы политически глупо не пользоваться готовыми и положительными образцами для дела и предпочитать бесплодную трату времени на поиски каких-то новых форм. Положение Казачества такого «апролаждения» не допускает.

Предстоит военно - политическая борьба; для такой борьбы и нужно организовывать наши силы.

Михаил Лазаренков.

Полк. М. Д. ИЛЬИН (Париж).

Потеря независимости донскими казаками и следствия этой потери.

КАК БЫ некоторые «старатели» из казаков ны приклеивали казакам московско-холопские ярлыки, все же история неопровержимо установила, что в XVI и в первой половине XVII в.в. казаки были от Москвы независимы. Даже самая реакционная (официальная) история, написанная к столетию военного министерства (1910 г.) утверждает, что в XVI и XVII в.в. казачьи общины представляли собою настоящие демократические республики. Из всех этих казачьих демократических республик Донская утратила свою независимость в 1671 г., т. е. позже всех остальных.

Эту независимость донские казаки утратили в

силу поражения московской армией армии Степана Разина в 1670 г.

Определяя причины успехов Разина в начале его борьбы с Москвою, историк Костомаров говорит, что «московские крестьяне, жившие в пограничной с Доном полосе, знали, что у донских казаков все равны, что власти на Дону выбравшие, что налоги у казаков малые». Эта формула являлась воплощением демократического идеала не только у казаков во второй половине XVII в., но она воплощает его вообще для всех времен и для всех народов.

Жизнь же московского крестьянства была полной противоположностью жизни казаков на До-